

Соловьев Всеволод Сергеевич

**Полное собрание сочинений
Всеволода Соловьева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Полное собрание сочинений Всеволода Соловьева / Соловьев Всеволод Сергеевич – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 772 с.

ISBN 978-5-519-74727-1

ISBN 978-5-519-74727-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ней сидить, это вѣрно, ровно коза она скачетъ, ровно волчокъ вертится... Можетъ, и точно, забѣжала зря въ опочивальню, да со страху, какъ ты вошла, за занавѣску и спряталась... мудреного тутъ нѣтъ...

Настасья Максимовна вся такъ и побатровѣла.

— Ну... и ты, княгинюшка, вмѣстѣ съ царевной ее покрываешь!—воскликнула она, разводя руками.

— Не покрываю, а, вѣдь, что же... не убивать же ее, сиротинку! Ну, накажи ее, какъ знаешь...

— Что мнѣ ее наказывать, ухо-то у нея я крѣпко подержала, а только силъ съ нею нѣту, отъ рукъ она отбилась; какъ что, сейчасъ къ царевнѣ, а та за нее горой... Но только, ежели я на такомъ подслушиваніи ее накрыла, могу ли я умолчать передъ тобою? Должна я о томъ тебѣ доложить, али нѣтъ?

— Вѣстимо, какъ не сказать... Ну, вотъ, я Машутку и поспрошаю... тамъ видно будетъ...

— Да только ты не вѣрь ей, княгинюшка, не вѣрь ни единому ея слову... вся она изолталась и стыда въ ней нѣту ни на волосъ!

— Теперь-то гдѣ же она?

— Гдѣ, какъ не у царевны.

— Такъ вотъ я и пойду.

У княгини мелькнуло въ мысли: «а ну, что коли и впрямь Машутка подслушала да Ириниушкѣ передала!.. Не дай Богъ!»

Встревоженная этой мыслью, царевнина мама поднялась со скамьи и быстро вышла изъ опочивальни.

II.

Княгиня Марья Ивановна какъ можно тише подошла къ покою царевны, постаралась какъ можно неслышнѣе отворить дверь и заглянуть такъ, чтобы ея появленіе не сразу замѣтили. Однако, несмотря на это, она не увидѣла и не услышала рѣшительно ничего подозрительнаго.

Царевна Ирина сидѣла за большими пальцами и при свѣтѣ двухъ толстыхъ восковыхъ свѣчей была, повидимому, прилежно занята рукодѣліемъ. Возлѣ нея въ почтительной и скромной позѣ стояла стройная дѣвочка, лѣтъ пятнадцати. Увидавъ входившую княгиню, эта дѣвочка еще больше опустила глаза, и все нѣсколько блѣдное, хотя хо-рошенькое лицо ея сложилось въ очень жалкую мишу. Княгиня прямо подошла къ дѣвочкѣ.

— Ты чего это здѣсь? Что дѣлаешь?

Та подняла на нее большіе темносѣрые глаза, въ которыхъ ясно читались не только робость, но и настоящій страхъ. Она ничего не отвѣтила. Но за нее отвѣтила царевна.

— Это я, мамушка, позвала ее, учу рукодѣльную. Я работаю, а она смотреть, перенимаетъ.

— Нечего сказать, много перейметъ, хороша рукодѣльница! Да и ты, царевна, что за мастерица! Ежели дѣвчонкѣ и впрямь рукодѣльничать охота, такъ пускай у мастерицы и обучается. Избаловала ты совсѣмъ Машутку, со всѣхъ сторонъ только жалобы на нее и слышу.

Дѣвочка опять опустила глаза и такъ и застыла совершеннымъ олицетвореніемъ скромности и испуга. Между тѣмъ, княгиня продолжала:

— Ну, да не о рукодѣліяхъ теперь! А вотъ ты скажи-ка мнѣ, Машутка, была ты, этакъ съ полчаса тому времени, въ государыниной опочивальнѣ?

Дѣвочка вскинула, было, глаза на княгиню; но опять опустила ихъ и молчала.

— Что-жъ, языкъ у тебя есть, отвѣчай, коли спрашиваютъ!..

Дѣвочка едва слышно отвѣтила:

— Была...

— А! Была!.. Какъ же ты смѣла?.. Какимъ путемъ туда пошла?!

— Не знаю...—скорѣй вздохнула, чѣмъ сказала дѣвочка.

— Какъ не знаю! Какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать? Кто же знаетъ?—крикнула княгиня.

Но тутъ царевна пришла на помощь своей любимицѣ.

— Мамушка, да не залутивай ты ее,—произнесла она милымъ, лааскающимъ голосомъ, поднимаясь съ мѣста и, подойдя къ княгинѣ, обняла ее.—Ужъ она мнѣ въ своей винѣ повинилась... Ну, что-же ей и отвѣчать-то, коли и впрямь не знаетъ, какъ она забѣжала?! Это и со мной, вѣдь, по сю пору случается, разыграешься, бѣжишь, словно на крыльяхъ летишь, словно несетъ кто тебя, и двери будто сами собою передъ тобою отворяются. Ну, вотъ и забѣжала, перепугалась. Ужъ ты не казни ее, не брани, она не парочно и впрямь такого не сдѣлаетъ...

Говоря это, царевна прижалась своей шѣжной горячей щечкой къ драблѣй, покрытой бѣлилами, щекѣ княгини.

— Заступница, баловница!—произнесла та съ полунечальной

улыбкой и тихонько отстранилась.—А у двери за занавѣской зачѣмъ была?—обратилась она къ дѣвчкѣ.

Та теперь уже не стояла съ опущенными глазами, а глядѣла ими прямо въ глаза княгини, глядѣла пристальнымъ, омуцающимъ взглядомъ, въ которомъ ничто нельзя было разобрать и который такъ раздражалъ Настасью Максимовну.

— За занавѣской-то зачѣмъ?—произнесла она, и голосъ ея уже дрожалъ отъ страха.—Не то, что за занавѣску, а и подъ кровать, куда пошло спрячешься отъ Настасьи Максимовны, вѣдь, она вотъ ухо-то мнѣ какъ!—закончила она, поднося руку къ своему красному и даже шѣскольکو припухшему уху.

— Ухо-то посмотри, мамушка, вѣдь, это что же такое, вѣдь, такъ Настасья Максимовна ей когда-нибудь совсѣмъ оторветъ уши!—сказала царевна.—Вѣдь, не впервые это, такъ какъ же тутъ не прятаться отъ нея?

— Настасья Максимовна женщина не врал, даромъ драть за уши не станеть,—строго сказала княгиня.—Ну, и что же, долго ты, Машутка, за занавѣской стояла?

— Какой же долго, когда она вслѣдъ за мной пришла. Какъ вбѣжала я, не успѣла опомниться, слышу—шаги, а шаги ея я всегда за три покая узнаю, оглядѣлась—куда мнѣ, вижу занавѣска, я и шмыгъ. Притаилась. А она такъ прямо и идетъ на меня, занавѣску то отдернула, а меня за ухо и вывела,—медленно, съ небольшою запинкой, но уже безъ особой робости объясняла Машутка и все продолжала, не митая, прямо смотрѣть въ глаза княгини, такъ что той стало неловко отъ этого взгляда. Неловко, и въ то же время все ея сердце, вся ея раздраженность быстро утихали, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого же взгляда. Вѣдь, это она первая обратила вниманіе на бойкую, смышленную дѣвочку-сиротку. Она приставила ее для мелкихъ услугъ къ своей царевнѣ и до сихъ поръ, несмотря на всѣ Машуткины провинности и на частыя на нее жалобы, миловала и жалѣла ее.

Что же теперь съ ней дѣлать? Докладывать государынѣ о томъ, что постельница поймала ее въ опочивальнѣ у двери, гдѣ она подслушивала? Плохо придется Машуткѣ, вѣдь, за такое дѣло, вѣдь, за подслушиванье словъ государыниныхъ ее надо не только выпать навсѣгда изъ терема, но придется сослать куда-нибудь подальше, въ какой ни на есть строгій женскій монастырь... и конецъ тамъ Машуткѣ на вѣки вѣчныя! А, можетъ, она и безъ вины виновата, мо-

жетъ, и впрямь все такъ, какъ она объясняетъ?!. На то похожа. Вѣдь, кабы долго она тамъ была, притулившись у двери, кабы могла подслушать всю бесѣду, то, конечно, успѣла бы уже передать о ней царевнѣ, и въ такомъ разѣ, сейчасъ вслѣдъ за такимъ извѣстіемъ, развѣ Припушка могла бы быть спокойной?! А вотъ она спокойна. Какъ ни всматривается въ свою воспитанницу княгиня Марья Ивановна, ничего не замѣчаетъ въ ней особеннаго. Нѣтъ, рѣшительно все такъ и было, какъ объясняетъ Машутка: ничего она не подслушала, не успѣла. А что бѣгаетъ дѣвчонка—ровно бѣлены объѣлась—такъ этому предѣлъ положить надо. Да, авось, теперь уймется, ишь ухо-то! Раздуло его... и впрямь ручки у Настасьи Максимовны не бархатныя...

Княгиня сдѣлала строгое, серьезное лицо и обратилась къ провинившейся:

— Слушай ты меня, озорница!—насколько могла суровымъ голосомъ объявила она.—Выдрали тебя за ухо, да мало, ну ужъ Богъ съ тобою, по глухости твоей на сей разъ еще вина тебѣ прощается, не доложу я о ней государынѣ, пощажу я тебя. Только слушай ты меня и на носу у себя заруби: коли ежели еще разъ что-нибудь такое случится—кончено, только и жизни твоей! Въ тотъ же день, слышь—въ тотъ же часъ тебя здѣсь не будетъ и куда тебя увезутъ, и куда тебя дѣнуть, про то никто даже и не узнаеть... не ты первая, не ты послѣдняя, чай сама понимать можешь, не малолѣтокъ, вѣдь, ужъ, что за такое дѣло бываетъ...

Царевна улыбалась. Машутка тихонько подошла, склонилась, поймала и поцѣловала руку княгини.

— Смотри ты у меня, смотри!—погрозила та, сердито отдергивая руку. А сама думала:

«Сиротинка, вѣдь, безъ отца, безъ матери, не будь мепя, заклевали бы ее, давно бы заклевали, такъ что и звапья ея не осталось бы на бѣломъ свѣтѣ». И княгинѣ вдругъ стало не то жаль дѣвочки, не то пріятно, что жизнь этой дѣвочки и ея счастье—ея, княгининыя, рукъ дѣло.

— Не прохлаждайся ты тутъ, и ты, царевна, не балуй ее черезъ мѣру.

— Чѣмъ же я ее балую?—отозвалась царевна.—Посмотри-ка вотъ, мамушка, хорошо вотъ эти цвѣтики вышли?

Она отшпилила платокъ, прикрывавшій часть работы и показывала хитро расшитыя шелками и бисеромъ фантастическія «травы»,

— Ужъ на что лучше, красота!—разглядывала съ видомъ знатока княгиня.

— Такъ, вѣдь, это кто вышилъ: не я, а Машутка. Вотъ отъ сихъ поръ и до сихъ—это все она!—звонко смѣялась царевна, въ то время какъ дѣвочка снова приняла свою скромную позу и только искоса, однимъ глазкомъ, взглядывала то на царевну, то на княгиню.

— Ишь ты, ну что жъ, ничего, коли такъ: всякая дѣвица всякаго званія должна быть искусна на рукодѣлія, настоящее это наше женское дѣло, истое наше художество. Такъ вотъ ты бы, Машутка, и работала побольше, а бѣготню эту и шалости всякія пора оставить, не такіе ужъ твои годы!..

Съ этими словами, вспомнивъ, что навѣрное кто-нибудь уже ждетъ ее для всякихъ распоряженій на слѣдующій дань, княгиня вышла отъ царевны.

III.

Въ одно мгновеніе Маша преобразилась. Скромно опущенные глаза ея раскрылись во всю величину и загорѣлись бойкимъ огонькомъ. Уже начавшій округляться станъ ея выпрямился. Блѣдныя щеки подернулись легкимъ румянцемъ. Тонкія ноздри прямого, нѣсколько коротенькаго, заборнаго носика расширились будто у звѣрка, желающаго удостовѣриться чутьемъ—насколько удалась грозившая опасность.

Но своему чутью, своимъ тонкимъ ноздрямъ Маша, очевидно, не довѣрилась: съ большою легкостью и граціей, въ два-три неслышныхъ прыжка она очутилась у двери, осторожно пріотворила ее и стала прислушиваться.

— Ушла!—наконецъ, шепнула она, оборачиваясь къ царевнѣ и тихонько притворяя за собою дверь.

Ирина, уже сѣвшая снова за пяльцы, подняла свою хорошенькую, юную головку, зардѣлась вся, какъ маковъ цвѣтъ, и вздохнула.

— Эхъ, Маша,—сказала она,—грѣхъ-то какой мы съ тобой затѣяли! Да и оторопь беретъ, вѣдь, вотъ ты ужъ и попалась, вѣдь, мамушка не шутитъ: того и жди пропадешь ты изъ-за меня...

Маша кинулась къ царевнѣ, шрипала къ ея колѣнямъ и стала цѣловать ея руки.

— Царевна, золотая моя, ненаглядная,—восторженно говорила она, заглядывая въ глаза Ирины,—не говори такъ, какой тутъ грѣхъ,

а коли и грѣхъ, не твой онъ, а мой... И за меня не бойся, не пропаду, не загубить меня Настасья Максимовна, вывернусь, выкручусь, крутомъ пальца обведу Настасью Максимовну... не на таковскую попала...

— Шустра ты больно, Машуня, много берешь на себя...—опять вздохнула царевна.—Ну, да ужъ рассказывай: что ты провѣдала, о чемъ у двери-то услышала...

«Матушки мои, стыдъ-то какой, какимъ дѣломъ занимаюсь!»—певольно подумала царевна, и совсѣмъ смутилась; но любопытство, даже пѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ любопытство, заставило ее забыть все упреки совѣсти и жадно слушать.

— Сказала, вѣдь, я тебѣ, царевна, что узнаю всю правду,—начала Маша,—вотъ и узнала. Совсѣмъ ужъ рѣшено это дѣло: выдаютъ тебя за королевича и королевичъ ужъ на Москвѣ, изъ-за моря прѣхалъ!

Ирина даже схватилась за сердце, такъ оно вдругъ у нея застучало.

— Вѣрно ли? Кто жъ это сказалъ?—сдвѣ слышно прошептала она.

— Государыня-царица говорила, вотъ-те Христось, своимъ вотъ этимъ ухомъ у замочной дырочки слышала, о томъ онъ съ княгиней-то и толковали.

Ирина стыдливо потупилась и то блѣднѣла, то краснѣла.

— Машуня, да какъ же это? — наконецъ произнесла она.— Вѣдь, онъ не нашъ... вѣдь, онъ басурманъ... басурманской вѣры!?

— А ужъ этого я не знаю!—развела Маша руками.—Вотъ и княгиня то же говорила, все спрашивала государыню—какъ такое быть можетъ, чтобы идти тебѣ за басурмана...

— Что же матушка-то, государыня?

— Плачетъ она, вотъ что!—отрѣзала Маша.

— Пла-ачетъ?!

— Да еще какъ плачетъ-то!.. Заливается! Княгиня-то ее все утѣшала... ну а потомъ что было я не знаю... вошла это Максимовна, да меня за ухо и вытащила... я отъ нея... съ ухомъ-то... да къ тебѣ... едва дождалась, едва утерпѣла, пока боярышни ушли и мы одиѣ остались, а тутъ вотъ... и княгиня...

Ирина сильно задумалась, и сама не знала она, что такое творится съ нею: и страшно, и радостно что-то, и духъ захватываетъ, и ничего она понять не можетъ... Вѣдь, ужъ не впервой слышитъ она о королевичѣ этомъ, вѣдь, ужъ давно-давно, когда она была еще несмы-

пленичкомъ, прозвучало передъ нею имя это непонятное, таинственное, и сразу почему-то запало въ сердце, почему-то испугало, почему-то смутило—и съ тѣхъ поръ не выходило изъ памяти... Вольмаръ-королевичъ!

По зимнимъ долгимъ вечерамъ, въ жарко натопленномъ покойчикѣ, у горячей лежанки, старушки много всякихъ чудныхъ сказокъ рассказывали маленькимъ царевнамъ. Были въ тѣхъ сказкахъ добрые и храбрые царевичи-королевичи, были въ нихъ красныя дѣвицы-царевны, и манили тѣ сказки въ свой міръ заколдованный, за тридевять земель, въ тридесятый царства, и тайна благоуханнымъ цвѣткомъ раскрывающейся любви, непонятная и невѣдомая, все же какъ-то трепетно и заманчиво сказывалась дѣтскому сердцу.

А теперь вотъ и на яву будто начинается волшебная сказка. Изъ тридесятаго царства, изъ-за моря пріѣхалъ королевичъ... и пріѣхалъ онъ за нею, за царевной Ириной... Посадить онъ ее на коня богатырскаго и увезетъ... куда? Зачѣмъ? По какому праву?.. Отчего это такъ нужно?!

А видно—такъ нужно, видно, есть у королевича права, потому что чувствуетъ она всѣмъ своимъ существомъ, что надъ нею творится что-то особенное, роковое, неизбежное, что пришла какая-то великая, могучая сила, и вотъ-вотъ захватить ее, и увлечь... на счастье или на горе?.. Охъ, какъ бьется сердце, какъ душа замираетъ, будто земля разверзлась подъ ногами; и такъ и тянетъ, такъ зовъ и тянетъ туда, въ эту отверстую бездну...

— Машуня, какъ же быть-то теперь?

— А такъ вотъ и быть, что я стану все, какъ есть все раз узнавать про королевича—и какъ что узнаю—такъ въ тотъ же часъ и къ тебѣ, царевна... Матушки! Никакъ опять кто-то идетъ... такъ и есть!

Маша замолчала, опустила глаза и застыла въ скромной, почти-тальной позѣ.

IV.

Шла въ мѣлкіе не утайши: Машутка никому не проболталась, а на слѣдующее утро, невѣдомо какимъ образомъ, весь теремъ, отъ боярынь до дурки Афимки, зналъ, что пріѣхалъ изъ датской земли королевичъ и что тотъ королевичъ—женихъ царевны Ирины Михайловны.

Во дворцѣ дѣлались самыя спѣшныя приготовленія къ приему до-

рогого гостя. Приготовленія были веселыя, весь дворцовый людъ сразу оживился и какъ-то встряхнулся. Теченіе однообразной, день за днемъ, жизни было нарушено, явился животрепещущій интересъ, ожидались самыя разнообразныя впечатлѣнія, зрѣлища, событія.

Во всѣхъ углахъ шли разговоры и рассказы о новопріѣзжихъ, которымъ былъ отведенъ обширный дворъ въ Кремлѣ. Стольники, дворяне, стряпчіе, дѣяки, стрѣleckіе начальники на «крыльцѣ постельномъ», бояре, окольничьи, думные и ближніе государевы люди «въ верху», въ «передней», безчисленная прислуга и стражники—все это толковало:

— А людей-то съ королевичемъ много, цѣлое войско...

— Что ты?!

— Вѣрно говорю, самъ видѣлъ какъ во дворъ они вѣѣзжали... и все нѣмцы, кургузые, на головѣ шерья болтаются, во всякомъ оружіи, съ мечами, ножами и пищалями...

— Ишь ты! Ну, а самъ королевичъ-то каковъ?

— Да нешто ты не видалъ его въ третьемъ году-то, какъ онъ пріѣзжалъ съ посольствомъ?

— То-то что не привелось... Да полно, тотъ ли это самый королевичъ?

— А то какой же, вѣстимо тотъ самый; тогда наѣхалъ для прилѣки, въ послахъ будто, высмотрѣлъ все, ну, вотъ теперь и совсѣмъ къ намъ. Ничего, ладный парень, только изъ себя жидокъ больно, безбородый; вотъ какъ въ наше платье одѣнется, да бороду отпустить—тогда ничего, видъ знатный получить...

— А не слыхалъ, когда его крестить будутъ?

— Крестить-то?

— А то какъ же, вѣдь, онъ басурманъ, нѣмецъ, некрещенный, такъ развѣ царевну за нехристя можно отдать—ты какъ объ этомъ думаешь? А?

— Это точно, что нельзя...

Всюду и между всѣми разговоръ кончался вопросомъ о крещеніи королевича, и тутъ не было никакихъ разногласій. Всѣ, отъ людей важныхъ и чиновныхъ до послѣдняго стрѣльца, знали, что такъ какъ королевичъ—басурманъ, то долженъ креститься въ православную веру и что иначе отдать за него царевну нельзя, невозможно. Для лицъ не столь близкихъ къ царю и незнакомыхъ съ обстоятельствами дѣла все казалось яснымъ: пріѣхалъ, окрестить его—и обвѣнчается онъ съ царевной. Людямъ, посвященнымъ въ дѣло, было нѣчто изъ

вѣстно, нѣчто, повидимому, очень важное но и они все же отлично понимали, что иначе быть не можетъ: королевичъ долженъ креститься.

Встрѣча датскому королевичу Вальдемару была приготовлена въ Грашовитой палатѣ. Холодное, но ясное январьское солнце врывалось въ небольшія окна и озаряло сводчатую обширную палату, причудливо росписанную пестрыми узорами и полную своеобразной красоты. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, окруженный ближними боярами, въ сопровожденіи думнаго дьяка, медленно вошелъ въ открытыя рындами двери, тяжелой поступью, пройдя палату, поднялся по усталымъ краснымъ сукномъ ступенямъ и съ видимымъ удовольствіемъ помѣстился на своемъ царскомъ мѣстѣ.

Кто не видалъ Михаила Ѳеодоровича нѣсколько лѣтъ, тотъ пошелъ бы въ немъ весьма большую перемену. Въ настоящее время, несмотря на свои далеко еще не старые годы, онъ сильно постарѣлъ, распознѣлъ и обрюзгъ. Красивое лицо его какъ бы отекло и поражаало прозрачной блѣдностью. Всѣ движенія были вялы, и когда онъ говорилъ, то часто останавливался, чтобы перевести дыханіе. Среди разговора онъ иногда вдругъ задумывался и тогда въ глазахъ его читалась скорбь.

Человѣкъ мяткій и сердечный, горячо любившій дѣтей своихъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1639 году, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, потерялъ двухъ сыновей, царевичей Ивана и Василия. Онъ не могъ справиться съ такимъ неожиданнымъ горемъ и съ этого времени окружавшіе стали замѣчать въ немъ все усиливавшуюся не только душевную, но и тѣлесную усталость. Отъ юности мало подвижный, склонный къ сидячей жизни, онъ теперь почти совсѣмъ отказался отъ движенія, всегда сидѣлъ, много лежалъ. Отсюда излишняя полнота, вялость, затрудненіе дыханія. Докторъ Венделинъ Сибелиста не разъ доказывалъ царю, что сидячая жизнь для него крайне опасна и можетъ значительно сократить жизнь его; но Михаилъ Ѳеодоровичъ, спокойно выслушивая врача, все же рѣшительно отказывался слѣдовать его совѣтамъ и даже часто совсѣмъ не принималъ оставляемыхъ имъ лѣкарства, во всемъ полагаясь на Волю Божию.

На этотъ разъ царь, однако, находился въ самомъ веселомъ настроеніи духа, глаза его минутами начинали сіять прежнимъ блескомъ, во всѣхъ чертахъ лица замѣчалось оживленіе. Дѣло въ томъ, что это былъ день исполненія его заветнаго желанія. Королевичъ Вальдемаръ здѣсь, въ качествѣ жениха царевны Ирины. То, что

еще такъ недавно представлялось неисполнимымъ, отъ чего уже совсемъ приходилось отказаться—совершилось.

Когда всѣ собравшіеся въ Грановитой палатѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, наступило нѣсколько минутъ полной тишины и ожиданія. Взгляды всѣхъ обратились къ дверямъ. Бояринъ князь Львовъ, человѣкъ осанистый и важный, мягкій въ походкѣ и движеніяхъ, съ поклономъ подошелъ къ красивому отроку, царевичу Алексѣю Михайловичу. Тотъ поднялся со своего мѣста, послѣдовалъ за княземъ и оба остановились посреди палаты, у столпа.

Между рындами, стоявшими по обѣимъ сторонамъ дверей, произошло нѣкоторое, едва уловимое, движеніе, и двери медленно, безшумно стали отворяться.

V.

Спокойное достоинство, съ которымъ вошелъ королевичъ Вальдемаръ, сопровождаемый нѣсколькими лицами своей свиты, показывало, что онъ отлично владѣетъ собою и что, несмотря на юные его годы, его не легко заставить смутиться и растеряться. Хорошаго средняго роста, стройный, широкоплечій, въ богатомъ темнаго бархата костюмѣ, не скрывавшемъ крѣпкія и красивыя формы его тѣла, онъ производилъ впечатлѣніе здоровья, свѣжести и энергіи. Это впечатлѣніе еще усиливалось при взглядѣ на его молодое лицо съ блестящими глазами и смѣлымъ, веселымъ выраженіемъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по палатѣ, онъ остановился, увидя двинувшася ему навстрѣчу князя Львова, рядомъ съ которымъ былъ царевичъ. Князь Львовъ, подойдя къ новоприбывшему, низко ему поклонился и, взявъ за руку царевича, «явилъ» его гостю. Царевичъ спросилъ Вальдемара о здоровьѣ и, пока толмачъ переводилъ, они обмѣнялись ласковыми улыбками и затѣмъ, въ сопровожденіи князя Львова, направились къ государеву мѣсту.

Теперь князь Львовъ долженъ былъ «явить» королевича царю и, когда это было исполнено, Михаилъ Θεодоровичъ поднялся, сошелъ со своего мѣста, подаль королевичу руку и также спросилъ его о здоровьѣ. При этомъ царь пристально и безцеремонно всматривался въ гостя. Осмотръ этотъ, очевидно, удовлетворилъ его: королевичъ, со времени своего пребыванія въ Москвѣ, два года тому назадъ, возмужалъ, окрѣпъ и представлялъ изъ себя уже не юношу, а вполне сформировавшагося человѣка. И этотъ человѣкъ пришелся царю еще больше по нраву, чѣмъ прежній юноша.